

Маркс Карл и Энгельс Фридрих
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В 3-х ТОМАХ.
Политиздат, 1970.

5. Противоречие между производительными силами и формой общения как основа социальной революции

То противоречие между производительными силами и формой общения, которое, как мы видели, уже неоднократно имело место в предшествующей истории, не угрожая, однако, ее основам, должно было каждый раз прорываться в виде революции, причем оно вместе с тем принимало и различные побочные формы — как совокупность всех коллизий, как коллизии между различными классами, как противоречия сознания, идейная борьба и т. д., политическая борьба и т. д. Если стоять на ограниченной точке зрения, то можно выхватить одну из этих побочных форм и рассматривать ее как базис этих революций; сделать это тем легче, что сами индивиды, от которых исходили эти революции, составляли себе, в зависимости от своего культурного уровня и от ступени исторического развития, всякого рода иллюзии насчет своей собственной деятельности.

Итак, все исторические коллизии, согласно нашему пониманию, коренятся в противоречии между производительными силами и формой [53] общения. Впрочем, для возникновения коллизий в какой-нибудь стране вовсе нет необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности. Конкуренция с более развитыми в промышленном отношении странами, вызванная расширением международного общения, является достаточной причиной для того, чтобы породить и в странах, обладающих менее развитой промышленностью, подобное же противоречие (так, например, конкуренция английской промышленности выявила в Германии наличие скрытого пролетариата).

[6. Конкуренция индивидов и формирование классов. Развитие противоположности между индивидами и условиями их жизнедеятельности. Мнимая коллективность индивидов в условиях буржуазного общества и действительное объединение индивидов при коммунизме. Подчинение условий жизнедеятельности общества власти объединившихся индивидов]

Конкуренция изолирует друг от друга индивидов — не только буржуа, но еще более пролетариев, несмотря на то, что она сводит их вместе. Поэтому проходит немало времени, пока эти индивиды сумеют объединиться, не говоря уже о том, что для этого объединения, — если ему не суждено остаться лишь местным, — крупная промышленность должна сперва создать необходимые средства, а именно крупные промышленные города и дешевые и быстрые средства сообщения. Поэтому лишь после долгой борьбы можно победить всякую организованную силу, противостоящую этим изолированным индивидам, живущим в условиях, которые ежедневно воспроизводят эту изолированность. Требовать противного равносильно требованию, чтобы в эту определенную историческую эпоху не существовало конкуренции или чтобы индивиды выкинули из головы отношения, над которыми они вследствие своей изолированности не имеют никакого контроля.

Жилищное строительство. Само собой разумеется, что у дикарей каждая семья имеет свою собственную пещеру или хижину, как у кочевников — отдельный шатер. Это обособленное домашнее хозяйство становится еще более необходимым вследствие дальнейшего развития частной собственности. У земледельческих народов общее домашнее хозяйство так же невозможно, как и общее земледелие. Большим шагом вперед было строительство городов. Однако во все прежние периоды уничтожение обособленного хозяйства, неотделимое от уничтожения частной собственности, было уже потому невозможно, что для этого не было еще материальных условий. Организация общего домашнего хозяйства предполагает развитие машин, использование сил природы и многих других производительных сил, например водопровода, [54] газового освещения, парового отопления т. д., устранение [противоположности] города и деревни. Без этих условий само общее хозяйство не станет, в свою очередь, новой производительной силой, будет лишено всякого материального базиса, будет основываться на чисто теоретической основе, т. е. будет простой причудой и приведет лишь к монастырскому хозяйству. — Что оказалось еще возможным, так это концентрация в городах и постройка общих зданий для различных определенных целей (тюрьмы, казармы и т. д.). Само собой разумеется, упразднение обособленного хозяйства не отделимо от упразднения [Aufhebung] семьи.

(Часто встречающееся у святого Макса положение, что каждый становится всем тем, что он есть, благодаря государству, — по сути равносильно положению, что буржуа есть лишь экземпляр рода буржуа; здесь предполагается, что *класс* буржуазии существовал уже до индивидов, из которых он состоит ¹.)

В средние века горожане в каждом городе вынуждены были для защиты своей жизни объединяться против сельского дворянства; расширение торговли и создание путей сообщения дали возможность отдельным городам узнать о других городах, отстаивавших те же интересы в борьбе против того же противника. Из многих местных объединений жителей отдельных городов лишь весьма постепенно возник *класс* горожан. Условия жизни отдельных горожан, в силу их противоположности

существующим отношениям и в силу обусловленного этим способа труда, стали условиями, общими

для них всех и независимыми от каждого в отдельности. Горожане создали эти условия, поскольку они вырвались из системы феодальных связей, и, в свою очередь, были созданы этими условиями, поскольку сами горожане были обусловлены своей противоположностью имевшемуся налицо феодализму. С возникновением связи между отдельными городами эти общие для них всех условия развились в классовые условия. Одни и те же условия, одна и та же противоположность, одни и те же интересы должны были в общем и целом повсюду создать также одни и те же нравы. Сама буржуазия развивается лишь постепенно, вместе с условиями своего существования, в свою очередь распадаясь в зависимости от разделения труда на различные группы, и, в конце концов, поглощает все существовавшие до нее имущие классы², по мере того как вся наличная собственность превращается в промышленный или торговый капитал (в то же время буржуазия превращает большинство существовавших до того неимущих классов и часть классов, бывших прежде имущими, в новый класс — пролетариат).

Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку [55] им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве

¹ Пометка Маркса на полях: «Предсуществование класса у философов». *Ред.*

² Пометка Маркса на полях: «Она сперва поглощает принадлежащие непосредственно государству отрасли труда, а затем — все ± [более или менее] идеологические сословия». *Ред.*

конкурентов. С другой стороны, и класс, в свою очередь, становится чем-то самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят уже заранее установленными условия своей жизни: класс определяет их жизненное положение, а вместе с тем и их личную судьбу, подчиняет их себе. Это — явление того же порядка, что и подчинение отдельных индивидов разделению труда, и оно может быть устранено лишь путем уничтожения частной собственности и самого труда ³. Каким образом это подчинение индивидов классу развивается вместе с тем в подчинение всякого рода представлениям и т. д., мы уже не раз указывали.

—

Если это развитие индивидов, происходящее в рамках общих условий существования исторически следующих друг за другом сословий и классов, а также в рамках навязанных им вместе с этим всеобщих представлений, — если это развитие рассматривать *философски*, то легко, разумеется, вообразить себе, что в этих индивидах развивался Род, или Человек, либо что они развивали Человека, т. е. можно вообразить себе нечто такое, что является издевательством над историей. После этого можно рассматривать различные сословия и классы как спецификации всеобщего выражения, как подвиды Рода, как фазы развития Человека.

Это подведение индивидов под определенные классы не может быть уничтожено до тех пор, пока не образовался такой класс, которому уже не приходится отстаивать против господствующего класса какой-либо особый классовый интерес.

Превращение личных сил (отношений), благодаря разделению труда, в силы вещные не может быть уничтожено тем, что люди выкинут из головы общее представление о нем, а только тем, что индивиды снова подчинят себе эти вещные силы и уничтожат разделение труда ⁴. Это не может быть осуществлено без коллективности. Только в коллективе существуют для каждого индивида [56] средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках

³ О том, что означает здесь выражение «уничтожение труда» (*Aufhebung der Arbeit*), — см. настоящий том, стр. 31—32, 61—62, 67—71. *Ред.*

⁴ Пометка Энгельса на полях: «(Фейербах: бытие и сущность)». Ср. настоящий том, стр. 38—39. *Ред.*

господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто "самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. В условиях действительной коллективности индивиды в своей ассоциации и посредством нее обретают вместе с тем и свободу.

Исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, — взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, а не в качестве «чистого» индивида, как его понимают идеологи. Но в ходе исторического развития, — и как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, — появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям. (Этого не следует понимать в том смысле, будто, например, раб, капиталист и т. д. перестают быть личностями, а в том смысле, что их личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями, и указанное

различие выступает лишь в их противоположности к другому классу, а для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротились.) В сословии (а еще более в племени) это еще прикрито: так, например, дворянин всегда остается дворянином, разночинец [roturier] — всегда разночинцем, вне зависимости от прочих условий их жизни, это — неотделимое от их индивидуальности качество. Отличие индивида как личности от классового индивида, случайный характер, который имеют для индивида его жизненные условия, появляется лишь вместе с появлением того класса, который сам есть продукт буржуазии. Только конкуренция и борьба индивидов друг с другом порождает и развивает [57] этот случайный характер как таковой. Поэтому при господстве буржуазии индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них; в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещной силе. Отличие от сословия особенно ярко обнаруживается в противоположности буржуазии пролетариату. Когда сословие горожан, корпорации и т. д. поднялись против помещного дворянства, условия их существования — движимое имущество и ремесленный труд, существовавшие в скрытом виде еще до их отрыва от

феодалной системы, — выступили как нечто положительное, что противопоставлялось феодалной земельной собственности и поэтому на первых порах, в свою очередь, приняло своего рода феодалную форму. Конечно, беглые крепостные рассматривали свое прежнее крепостное состояние как нечто случайное для их личности. Но в этом отношении они поступали так же, как всякий освобождающийся от своих оков класс, и кроме того они освобождались не как класс, а поодиночке. Далее, они не вышли за рамки сословного строя, а только образовали новое сословие и в новом положении сохранили свой прежний способ труда и развили его дальше, освободив его от прежних оков, уже не соответствовавших достигнутой ими ступени развития.

Напротив, у пролетариев их собственное условие жизни, труд, а вместе с тем и условия существования всего теперешнего общества стали чем-то для них случайным, над чем отдельные пролетарии не имеют никакого контроля, да и никакая *общественная* организация им этого контроля дать не может. Противоречие между личностью отдельного пролетария и трудом, этим навязанным ему жизненным условием, становится теперь явным для него самого, — особенно потому, что он уже с ранних лет является жертвой и что в пределах своего класса у него нет шансов добиться для себя условий, делающих возможным его переход в другой класс. —

[58] NB. Не нужно забывать, что уже необходимость поддерживать существование крепостных и невозможность крупного хозяйства, которая влекла за собой распределение allotments ⁵ между крепостными, очень скоро свели повинности крепостных по отношению к феодалам к такому среднему уровню оброка и барщины, который делал возможным для крепостного накопление движимого имущества, что облегчало ему побег от своего владельца и давало ему возможность устроиться в качестве горожанина, а также порождало дифференциацию среди крепостных; таким образом, беглые крепостные были уже наполовину буржуа. При этом ясно также, что крепостные крестьяне, владевшие каким-нибудь ремеслом, имели больше всего шансов приобрести себе движимое имущество. —

Таким образом, если беглые крепостные стремились только к тому, чтобы свободно развить и укрепить свои уже имевшиеся налицо условия существования, и поэтому в конечном счете добились только свободного труда, то

⁵ мелких участков земли. *Ред.*

пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т. е. должны уничтожить труд. Вот почему они находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности.

Из всего вышеизложенного вытекает, что общественные отношения, в которые вступали индивиды какого-нибудь класса и которые обуславливались их общими интересами против какого-либо другого класса, составляли всегда такую коллективность, к которой эти индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они жили в условиях существования своего класса; они находились в этих общественных отношениях не как индивиды, а как члены класса. Совершенно обратное имеет место при коллективности революционных пролетариев, ставящих под свой контроль как условия [59] своего собственного существования, так и условия существования всех членов общества: в этой коллективности индивиды участвуют как индивиды. Она представляет собой такое объединение индивидов (разумеется, на основе уже развитых к этому времени производительных сил), которое ставит под их контроль условия свободного развития и движения индивидов, условия, которые до сих пор предоставлялись власти случая и противостояли отдельным индивидам как нечто самостоятельное именно вследствие их разъединения в качестве индивидов и вследствие того неизбежного для них объединения, которое было обусловлено разделением труда и стало, в результате их разъединения, чуждой для них связью. Прежнее объединение было лишь (отнюдь не произвольным, как это изображено, например, в «Общественном договоре»³⁰, а необходимым) соглашением (ср., например, образование североамериканского государства и южноамериканских республик) насчет тех условий, в рамках которых индивиды получали затем возможность использовать случайность в своих интересах. Это право беспрепятственно пользоваться, в рамках известных условий, случайностью называли до сих пор личной свободой. — Таковыми условиями существования являются, конечно, лишь имеющиеся налицо производительные силы и формы общения.

Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что он совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов. Поэтому установление коммунизма имеет по существу экономический характер: оно есть создание материальных условий этого объединения; имеющиеся налицо условия оно превращает в условия объединения. Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который делает невозможным все то, что существует независимо от индивидов, поскольку все это есть все-таки не что иное, как продукт существовавшего до сих пор общения между самими индивидами. Таким образом, с условиями, порожденными прежним производством и общением, коммунисты практически обращаются как с чем-то неорганическим, но при этом они отнюдь не воображают, будто намерением или предназначением прошлых поколений было доставить им материал, и не считают, что условия эти были чем-то неорганическим для создававших их индивидов.

[7. Противоречие между индивидами и условиями их жизнедеятельности как противоречие между производительными силами и формой общения. Развитие производительных сил и смена форм общения]

[60] Различие между индивидом как личностью и случайным индивидом — не просто логическое различие, а исторический факт. В различное время оно имеет различный смысл; так, например, сословие, а также *plus ou moins* ⁶ и семья, есть в XVIII веке нечто случайное для индивида. Это такое различие, которое не мы должны делать в применении к каждой эпохе, а такое, которое каждая эпоха сама делает между различными элементами, находимыми ею в готовом виде, действуя при этом не согласно понятию, а под давлением материальных жизненных коллизий.

То, что позднейшей эпохе, в противоположность предшествующей, представляется случайным, — стало быть, случайным среди унаследованных ею от прошлой эпохи элементов, — это форма общения, соответствовавшая определенной ступени развития производительных сил. Отношение между

⁶ — более или менее. *Ред. К. Маркс и Ф. Энгельс*

производительными силами и формой общения, это — отношение между формой общения и действиями или деятельностью индивидов.

(Основная форма этой деятельности — конечно, материальная деятельность, от которой зависит всякая иная деятельность: умственная, политическая, религиозная и т. д. Та или иная организация материальной жизни зависит, конечно, каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс, которого нет у овец или собак (главный аргумент Штирнера³¹, упорно выдвигаемый им *adversus homi-nem*⁷), хотя и овцы и собаки в своем теперешнем виде несомненно являются — правда, *malgre eux* ⁸ — продуктом исторического процесса.) Условия, при которых происходит общение индивидов, пока еще не возникло противоречие [между этими условиями и индивидами], представляют собой условия, относящиеся к их индивидуальности, и не являются чем-то внешним для них; это — условия, при которых эти определенные, существующие в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано; следовательно, они являются условиями самодеятельности этих индивидов, и создаются они этой их самодеятельностью ⁹. Таким образом, определенные условия, при которых люди производят, соответствуют, — пока [61] еще не возникло [указанное] противоречие, — их действительной обусловленности, их одностороннему бытию, односторонность которого обнаруживается лишь при возникновении противоречия и существует, следовательно, только для позднейших поколений. Эти условия кажутся тогда случайными оковами, и взгляд на них как на оковы приписывается также и прошлому времени.

Эти различные условия, которые сначала являлись условиями самодеятельности, а впоследствии оказались оковами ее, образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности индивидов, форма общения, которая, *a son tour*¹⁰, превращается в оковы и заменяется другой формой. Так как эти условия на каждой ступени исторического развития

⁷ — *против* человека. *Ред.*

⁸ — помимо их воли. *Ред.*

⁹ Пометка Маркса на полях: «Производство самой формы общения». *Ред.*

¹⁰ — в свою очередь. *Ред.*

соответствуют одновременно совершающемуся развитию производительных сил, то их история есть вместе с тем и история развивающихся и перенимаемых каждым новым поколением производительных сил, а тем самым и история развития сил самих индивидов.

Так как развитие это происходит стихийно, т. е. так как оно не подчинено общему плану свободно объединившихся индивидов, то оно исходит из различных местностей, племен, наций, отраслей труда и т. д., каждая из которых первоначально развивается независимо от других, лишь мало-помалу вступая в связь с ними. Далее, развитие это происходит лишь очень медленно; различные ступени и интересы никогда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков владеть свое существование рядом с ним. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от их имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право),— властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции. Этим объясняется также, почему в некоторых вопросах, [62] допускающих более обобщенное выражение, сознание может иногда казаться опередившим современные ему эмпирические отношения, так что в битвах какой-нибудь позднейшей эпохи можно опираться на авторитет теоретиков прошлого.

Наоборот, в странах, которые начали свое развитие, подобно Северной Америке, в уже развитую историческую эпоху, оно совершается очень быстро. У этих стран нет никаких иных стихийно сложившихся предпосылок кроме индивидов, которые там поселяются и которые были вынуждены к этому несоответствием между их потребностями и существующими в старых странах формами общения. Они начинают поэтому свое развитие, располагая наиболее прогрессивными индивидами старых стран, а стало быть, и соответствующей этим индивидам наиболее развитой формой общения, еще до того, как этой форме общения удалось утвердиться в старых странах. Это относится ко всем колониям, поскольку они не являются лишь военными или торговыми стоянками. Примерами могут служить Карфаген, греческие колонии и Исландия в XI и XII веках. Подобный же процесс наблюдается и в случае завоевания, если в

завоеванную страну переносится в готовом виде развившаяся на другой почве форма общения. В то время как на своей родине такая форма общения еще обременена интересами и отношениями, унаследованными от прошлых эпох, — на новом месте она может и должна быть утверждена полностью и без препятствий, хотя бы уже для того, чтобы обеспечить завоевателям длительное господство. (Англия и Неаполь после норманского завоевания³², когда они получили наиболее законченную форму феодальной организации.)

[8. Роль насилия (завоевания) в истории]

Всему этому пониманию истории как будто противоречит факт завоевания. До сих пор насилие, война, грабеж, разбой и т. д. объявлялись движущей силой истории. Мы можем здесь остановиться лишь на главных моментах и выбираем поэтому наиболее разительный пример — разрушение старой цивилизации варварским народом и образование заново, вслед за этим, иной структуры общества (Рим и варвары, феодализм и Галлия, Восточно-Римская империя и турки³³).

[63] У варварского народа-завоевателя сама война является еще, как уже было выше указано, регулярной формой общения, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства. В Италии, наоборот, в результате концентрации земельной собственности (вызванной не только скупкой и задолженностью, но также переходом по наследству, ибо вследствие царившей тогда распущенности и редкости браков древние роды постепенно вымирали и их имущество переходило в руки немногих) и в результате превращения пахотной земли в пастбища (вызванного не только обычными, и поныне имеющими силу, экономическими причинами, но и ввозом награбленного и полученного в качестве дани хлеба и вытекавшим отсюда недостатком потребителей для итальянского зерна), — в результате всего этого почти исчезло свободное население; даже рабы непрерывно вымирали, и их приходилось постоянно заменять новыми. Рабство оставалось основой всего производства. Плебеи, занимавшие место между свободными и рабами, никогда не поднимались выше уровня люмпен-пролетариата. Рим вообще всегда оставался всего лишь городом, и его связь с провинциями была почти исключительно политической и, конечно, могла быть также и нарушена политическими событиями.

Нет ничего обычного представления, будто в истории до сих пор все сводилось к захвату. Варвары захватили Римскую империю, и фактом этого захвата принято объяснять переход от античного мира к феодализму. Но при захвате варварами все зависит от того, развил ли завоеванный народ уже к этому времени промышленные производительные силы, как это имеет место у современных народов, или же его производительные силы основываются главным образом лишь на его объединении и на существующем сообществе [Gemeinwesen]. Далее, характер захвата обусловлен объектом захвата. Состояние банкира, заключающееся в ценных бумагах, нельзя вовсе захватить, если захватчик не подчинится условиям производства и общения, существующим в захваченной стране. То же относится и ко всему промышленному капиталу какой-нибудь современной промышленной страны. И, наконец, захвату повсюду очень скоро приходит конец, а когда для захвата ничего уже более не остается, приходится приступить к производству. Из этой очень скоро наступающей необходимости производства следует, [64] что та форма сообщества [Gemeinwesen], которая была принята осевшими завоевателями, должна соответствовать той ступени развития производительных сил, которую они застают, а если этого соответствия первоначально нет, то эта форма сообщества должна измениться сообразно имеющимся производительным силам. Этим объясняется также и факт, отмеченный повсюду в эпоху после переселения народов, а именно — что раб стал господином и что завоеватели очень скоро переняли язык, образование и нравы завоеванных народов. Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у завоевателей во время самого завоевания, и эта организация развилась в настоящий феодализм лишь после завоевания, благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах. Насколько эта форма была обусловлена производительными силами, показывают неудачные попытки установить другие формы, основанные на староримских пережитках (Карл Великий и т. д.). Продолжить.

[9. Развитие противоречия между производительными силами и формой общения в условиях крупной промышленности и свободной конкуренции. Противоположность между трудом и капиталом]

В крупной промышленности и в конкуренции все условия существования, все обусловленности, все односторонности индивидов слились в две простейшие формы — в частную собственность и труд. Деньги делают всякую форму общения и само общение чем-то случайным для индивидов. Таким образом, уже в деньгах коренится то явление, что всякое общение до сих пор было только общением индивидов при определенных условиях, а не общением индивидов как индивидов. Эти условия сводятся к двум: к накопленному труду, или частной собственности, и к действительному труду. Если одно из них перестает существовать, то приостанавливается и общение. Современные экономисты — например, Сисмонди, Шербюлье и т. д. — сами противопоставляют *association des individus*— *association des capitaux*¹¹. С другой стороны, сами индивиды совершенно подчинены разделению труда и поэтому поставлены в полнейшую зависимость друг от друга. Частная собственность, поскольку она в рамках труда противостоит труду, развивается из необходимости накопления. Вначале она все еще сохраняет большей частью форму общности [*Gemeinwesen*], но в дальнейшем развитии все более приближается к современной форме частной собственности. Разделение труда уже с самого начала включает в себе разделение *условий* труда — орудий труда и материалов, — а тем самым и раздробление накопленного капитала между различными собственниками, а значит, и расщепление между капиталом и трудом, а также различные формы самой собственности. Чем больше развивается разделение труда [65] и чем больше растет накопление, тем сильнее развивается также и это расщепление. Самый труд может существовать лишь при условии этого расщепления.

(Личная энергия индивидов отдельных наций — немцы и американцы — энергия уже благодаря скрещиванию рас, — поэтому немцы кретинообразны; во Франции, в Англии и т. д. иноземцы поселились на развитой уже почве, в Америке на совершенно свежей почве, в Германии же первоначальное население не тронулось с места.)

Таким образом, здесь обнаруживаются два факта¹². Во-первых, производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами; причиной этому — то, что индивиды, силами которых они являются, раздроблены и противостоят друг другу, между тем как эти силы, со своей стороны, становятся

¹¹ — ассоциацию индивидов — ассоциации капиталов. *Ред.*

¹² Пометка Энгельса на полях: «Сисмонди». *Ред.*

действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов. Таким образом, на одной стороне — совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещную форму и являются для самих индивидов уже не силами индивидов, а силами частной собственности, — они, следовательно, являются силами индивидов лишь постольку, поскольку последние представляют собой частных собственников. Ни в один из прежних периодов производительные силы не принимали этой формы, безразличной к общению индивидов *как индивидов*, потому что само их общение было еще ограниченным. На другой стороне находится противостоящее этим производительным силам большинство индивидов, от которых оторваны эти силы, вследствие чего индивиды эти, лишенные всякого действительного жизненного содержания, стали абстрактными индивидами, но лишь только поэтому они и получают теперь возможность вступить в связь друг с другом *как индивиды*.

Единственная связь, в которой они еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием, — труд, — потеряла у них всякую видимость самостоятельности и сохраняет их [66] жизнь лишь тем, что калечит ее. Если в прежние периоды самостоятельность и производство материальной жизни были разделены вследствие того, что они Являлись уделом различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось, в силу ограниченности самих индивидов, второстепенным видом самостоятельности, то теперь они настолько отделились друг от друга, что вообще материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни — труд (который представляет собой теперь единственно возможную, но, как мы видим, отрицательную форму самостоятельности) — выступает как средство.

[10. Необходимость, условия и результаты уничтожения частной собственности]

Таким образом, дело дошло теперь до того, что индивиды должны присвоить себе существующую совокупность производительных сил не только для того, чтобы добиться самостоятельности, но уже вообще для того, чтобы обеспечить свое существование.

Это присвоение обусловлено прежде всего тем объектом, который должен быть присвоен, производительными силами, которые развились в определенную совокупность и существуют только в рамках универсального общения. Уже в силу

этого присвоение должно носить универсальный характер, соответствующий производительным силам и общению. Само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже по одному этому присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов.

Далее, это присвоение обусловлено присваивающими индивидами. Только современные пролетарии, совершенно лишенные всякой самостоятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной, самостоятельности, которая заключается в присвоении всей совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии всей совокупности способностей. Все прежние революционные присвоения были ограниченными: индивиды, самостоятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие [67] производства и приходили в силу этого только к некоторой новой ограниченности. Их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. При всех прошлых присвоениях масса индивидов оставалась подчиненной какому-нибудь единственному орудию производства; при пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивидам никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе.

Присвоение обусловлено, далее, тем способом, каким оно должно быть осуществлено. Оно может быть осуществлено только посредством такого объединения, которое в силу свойств, присущих самому пролетариату, может быть опять-таки только универсальным, и посредством такой революции, в которой, с одной стороны, низвергается власть прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества, а с другой — развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему для осуществления этого присвоения, причем пролетариат сбрасывает с себя все, что еще осталось у него от его прежнего общественного положения.

Только на этой ступени самостоятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу

превращение труда в самодеятельность и превращение прежнего ограниченного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как индивиды.

Присвоение всей совокупности производительных сил объединившимися индивидами уничтожает частную собственность. В то время как до сих пор в истории то или иное особое условие всегда выступало как случайное, теперь случайным становится само обособление индивидов, особая частная профессия того или другого индивида.

В индивидах, уже не подчиненных более [68] разделению труда, философы видели идеал, которому они дали имя «Человек», и весь изображенный нами процесс развития они представляли в виде процесса развития «Человека», причем на место существовавших до сих пор в каждую историческую эпоху индивидов подставляли этого «Человека» и изображали его движущей силой истории. Таким образом, весь исторический процесс рассматривался как процесс самоотчуждения «Человека»¹³; объясняется это, по существу, тем, что на место индивида прошлой ступени они всегда подставляли среднего индивида позднейшей ступени и наделяли прежних индивидов позднейшим сознанием. В результате такого переворачивания, заведомого абстрагирования от действительных условий и стало возможным превратить всю историю в процесс развития сознания.

Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства. Выражение «гражданское общество»¹⁴ возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности [Gerneinwesen]. Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая

¹³ Пометка Маркса на полях: «Самоотчуждение». *Ред.*

¹⁴ Термин «bürgerliche Gesellschaft» означает «гражданское общество», а также «буржуазное общество». *Ред.*

во все времена образует базис государства и прочей идеалистической ¹⁵ надстройки.

[11.] Отношение государства и права к собственности

Первая форма собственности как в античном мире, так и в средние века, это — племенная собственность, обусловленная у римлян главным образом войной, а у [69] германцев — скотоводством. У античных народов, — вследствие того, что в одном городе жило совместно несколько племен, — племенная собственность имела форму государственной собственности, а право отдельного индивида на нее ограничивалось простым владением [possessio], которое, однако, как и племенная собственность вообще, распространялось лишь на земельную собственность. Частная собственность в собственном смысле слова появляется у древних, как и у современных народов, лишь вместе с движимой собственностью. (Рабство и общность [Gemeinwesen]) (dominium ex jure Quiritum¹⁶). — У народов, ведущих свое происхождение от средневековья, племенная собственность проходит ряд различных ступеней — феодальной земельной собственности, корпоративной движимой собственности, мануфактурного капитала, — прежде чем превратиться в современный, порожденный крупной промышленностью и всеобщей конкуренцией, капитал, в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость общности [Gemeinwesen] и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности. Этой современной частной собственности соответствует современное государство, которое, посредством налогов, постепенно бралось на откуп частными собственниками и, благодаря государственным долгам, оказалось полностью в их власти; самое существование этого государства, регулируемое повышением и понижением курса государственных ценных бумаг на бирже, целиком зависит от коммерческого кредита, оказываемого ему частными собственниками, буржуа. Так как буржуазия уже не является больше *сословием*, а представляет собой *класс*, то она вынуждена организоваться не в местном, а в национальном масштабе и должна придать своим обычным интересам всеобщую форму. Благодаря высвобождению частной собственности из общности [Gemeinwesen], государство приобрело

¹⁵ — т.е. идеальной, идеологической. *Ред.*

¹⁶ владение на основании права римских граждан. *Ред.*

самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его; но на деле государство есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри страны — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы. Самостоятельность государства существует в наше время лишь в таких странах, где сословия еще не до конца

развились в классы, где сословия, упраздненные уже в более передовых странах, еще продолжают играть известную роль, образуя некоторого рода смесь, — где поэтому ни одна часть населения не может добиться господства над другими его частями. Таково в особенности положение в Германии. Наиболее же завершенным примером современного государства является Северная [70] Америка. Новейшие французские, английские и американские писатели единодушно высказываются в том смысле, что государство существует только ради частной собственности, так что эта мысль уже проникла и в обыденное сознание.

Так как государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое концентрированное выражение, — то из этого следует, что все общие установления опосредствуются государством, получают политическую форму. Отсюда и происходит иллюзия, будто закон основывается на воле, и притом на оторванной от своей реальной основы, *свободной* воле. Точно так же и право, в свою очередь, сводят затем к закону.

Частное право развивается одновременно с частной собственностью из разложения естественно сложившейся формы общности [Gemeinwesen]. У римлян развитие частной собственности и частного права не имело дальнейших промышленных и торговых последствий, потому что весь их способ производства оставался неизменным¹⁷. Для современных народов, у которых промышленность и торговля разложили феодальную форму общности [Gemeinwesen], с возникновением частной собственности и частного права началась новая фаза, оказавшаяся способной к дальнейшему развитию. Первый же город, который в средние века развернул обширную морскую торговлю, Амальфи, выработал и морское право³⁴. Как только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже и в других странах — развили дальше частную собственность, тотчас же

¹⁷ Пометка Энгельса на полях: «(Ростовщичество)». *Ред.*

было вновь воспринято и получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право. Когда впоследствии буржуазия усилилась до такой степени, что государи стали защищать ее интересы, чтобы с ее помощью сокрушить феодальную знать, тогда во всех странах — во Франции в XVI веке — началось настоящее развитие права, происходившее [71] повсюду, за исключением Англии, на основе римского кодекса. Но и в Англии для дальнейшей разработки частного права (в особенности в той его части, которая относится к движимому имуществу) пришлось обратиться к принципам римского права. (Не надо забывать, что право точно так же не имеет своей собственной истории, как и религия.)

В частном праве существующие отношения собственности выражаются как результат всеобщей воли. Одно уже *jus utendi et abutendi*¹⁸ свидетельствует, с одной стороны, о том, что частная собственность стала совершенно независимой от общности [*Gemeinwesen*], а с другой — об иллюзии, будто сама эта частная собственность основана исключительно на частной воле, на произвольном распоряжении вещью. На практике понятие *abuti*¹⁹ имеет очень определенные экономические границы для частного собственника, если он не хочет, чтобы его собственность, а значит и его *jus abutendi*²⁰ перешли в другие руки; ибо вообще вещь, рассматриваемая только в отношении к его воле, не есть вовсе вещь; она становится вещью, действительной собственностью, только в процессе общения и независимо от права (*отношение*, то, что философы называют идеей²¹). Эта юридическая иллюзия, сводящая право к чистой воле, неизбежно приводит — при дальнейшем развитии отношений собственности — к тому, что то или другое лицо может юридически иметь право на какую-нибудь вещь, не обладая ею фактически. Если, например, вследствие конкуренции какой-нибудь земельный участок перестает давать ренту, то собственник его все же продолжает юридически иметь право на него вместе с *jus utendi et abutendi*. Но ему нечего делать с этим правом: как земельный собственник он не имеет ничего, если только не обладает сверх того достаточным капиталом для обработки своей земли. Этой же иллюзией

¹⁸ — право употребления и злоупотребления, т. е. право распоряжаться вещью по своему произволу. *Ред.*

¹⁹ — злоупотреблять. *Ред.*

²⁰ - право злоупотребления. *Ред.*

²¹ Пометка Маркса на полях: «*Отношение для философов равнозначно идее. Они знают лишь отношение «Человека» к самому себе, и поэтому все реальные отношения становятся для них идеями*». *Ред.*

юристов объясняется то, что для них и для всякого кодекса является вообще простой случайностью, что индивиды вступают между собой в отношения, например, заключают договоры; эти отношения рассматриваются ими как такие, в которые по желанию можно вступать или не вступать [72] и содержание которых всецело зависит от индивидуального произвола договаривающихся сторон.

Всякий раз, когда развитие промышленности и торговли создавало новые формы общения, например страховые и т. п.

компании, право вынуждено было их санкционировать как новые виды приобретения собственности ²².

[12. Формы общественного сознания]

Влияние разделения труда на науку.

Роль *репрессии* в государстве, праве, морали и т. д.

В законе буржуа должны дать себе всеобщее выражение именно потому, что они господствуют как класс.

Естествознание и история.

Не существует истории политики, права, науки и т. д., искусства, религии и т. д. ²³

Почему идеологи ставят все на голову.

Цроповедники религии, юристы, политики.

Юристы, политики (государственные деятели вообще), моралисты, проповедники религии.

По поводу этого идеологического подразделения внутри одного класса: 1) *Обособление профессии вследствие разделения труда.* Каждый из них считает свое ремесло истинным. Относительно связи их ремесла с действительностью они тем неизбежнее создают себе иллюзии, что это обусловлено уже самой природой данного ремесла. Отношения становятся в юриспруденции, политике и т. д. — в сознании — понятиями; так как они не возвышаются над этими отношениями, то и понятия об этих отношениях превращаются в их голове в

²² Далее в конце рукописи следуют написанные рукой Маркса заметки, предназначавшиеся для дальнейшей разработки. *Ред.*

²³ Заметка Маркса на полях: ««Общности» [dem «Geweinwesen»] в том виде, в каком она выступает в античном государстве, феодальном строе, абсолютной монархии, — этой связи соответствуют в особенности религиозные представления». *Ред.*

застывшие понятия; судья, например, применяет кодекс, поэтому он считает законодательство истинным активным двигателем. Почтение перед своим товаром, — ибо их профессия имеет дело с всеобщим.

Идея права. Идея государства. В *обычном* сознании дело поставлено на голову.

Религия есть с самого начала сознание *трансцендентности*, возникающее из *действительной* зависимости. Выразить это популярнее.

Традиция — в области права, религии и т. д.

* * *

[73]²⁴ Индивиды всегда исходили, всегда исходят из себя. Их отношения представляют собой отношения действительного процесса их жизни. Откуда берется, что их отношения приобретают самостоятельное, противостоящее им существование? что силы их собственной жизни становятся силами, господствующими над ними?

Если ответить одним словом: *разделение труда*, ступень которого зависит от развития производительной силы, достигнутого в данный момент.

Земельная собственность. Общинная собственность. Феодалная. Современная.

Сословная собственность. Мануфактурная собственность. Промышленный капитал.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом

в Брюсселе между ноябрем 1845

и августом 1846 г.

Впервые опубликовано на русском

языке в «Архиве К. Маркса

и Ф. Энгельса»,

²⁴ Эта последняя страница в рукописи не пронумерована. Она содержит заметки, относящиеся к началу изложения материалистического понимания истории. Намеченные здесь мысли развиваются затем в I части главы в § 3. *Ред.*

кн. I, 1924 г.

Печатается по тексту отдельной брошюры: К. Маркс и ф. Энгельс. «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966